

Золотая полка
фантастики

16+

ШЕСТЬ ДНЕЙ
МАЛЫША
НЕЛЬСОНА

СЕРГЕЙ ГУРДЖИЯНЦ Из цикла
Рассказы о Второй планете
2 рассказ

С. Гурджиянц

Сергей Гурджиянц

Шесть дней малыша Нельсона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67741178

SelfPub; 2022

Аннотация

Из-за маниакальной уверенности, что всё вокруг принадлежит человечеству, мы перекраиваем под себя Вселенную. Но люди есть люди и устройство их далеко от совершенства. Что пошло не так на этот раз и привело к трагическим последствиям: человеческий фактор или роковые стечения обстоятельств? Кого назначить виновным в исчезновении населения целого астероида с говорящим названием "Аид" – Царство мертвых?

Противостояние. Есть те, кто обязан скрывать истину в своих интересах. И есть тот, кто уже нашел честный ответ на все вопросы.

Это второй рассказ из сборника фантастических рассказов о Второй планете.

Содержание

1	4
2	6
3	10
4	12
5	16
6	21
7	25
8	29
9	34
10	39
11	42
12	47
13	52
14	55
15	59
16	62
17	66
18	69
19	75
20	79
21	82

Сергей Гурджиянц

Шесть дней

малыша Нельсона

1

Положив локти на леерное ограждение, она смотрела, как из челнока выгружают гигантских саламандр. Земля передала их на Главную орбитальную станцию Второй планеты, откуда затем их космолетами переправили сюда. В ближайшее время ученые планировали переселить саламандр в пустующие местные водоемы, где недавно кипела жизнь. Они были хищниками, и если в каких-то укромных глубинах покоряемой планеты еще сохранились иные существа, им придется несладко.

Запаянные аквариумы ввезли в ангар. В них плескалась земная зеленоватая вода. исполинские хвостатые амфибии даже издали производили отталкивающее впечатление. Бурные, блестящие от слизи тяжелые бесформенные туши с четырьмя лапами достигали полутораметровой длины. Они были идеальны для заселения планеты, фауна которой прекратила свое существование на стадии земноводных. Основ-

ной пищей им должны были служить червяги – мелкие земные амфибии, похожие на дождевых червей. В отдельных аквариумах они кишели сплошным переливающимся клубком.

– Алиса! – задрал голову, крикнул снизу тощий как гвоздь молодой верзила с блестящими ромбами на оранжевом жилете. – Прибыл эксперт из расстрельного отдела Трибунала. Просил срочно тебя разыскать. Не знаю, что ты там натворила, но если захочешь свалить по-быстрому, один космолет заправлен топливом. Я знаю какой. Буду рад составить тебе компанию.

Он подмигнул. Алиса улыбнулась, сверкнув ровными влажными зубами. Ее улыбка отразилась в ромбах оранжевого жилета и в сердце верзилы.

– Хрр! – сказал со стены транслятор. – Внимание! Алису Буги просят немедленно прибыть в отдел персонала.

– Ну? Летим? Или прощай Алиса?

– Прощай Алиса, – серьезно сказала девушка, и лихо как вихрь сбежала вниз, гремя ступенями металлического трапа. Курсанты Офицерской Космической школы в Бонлионе обучались этому стремительному бегу специально. Все, кто стоял вместе с ней на балкончике над воротами ангара, наблюдая разгрузку саламандр, проводили ее восхищенными глазами.

2

Два жестких стула привинчены к полу по обе стороны стола. Скупой серый свет ровным кружком лежит в центре столешницы. Комнатка маленькая, темная. В ней очень тихо.

– Прошу садиться.

У специалиста Отдела Трибунала мягкий гулкий голос, словно гудит в пустой бочке. Алиса села, удивляясь скудности обстановки. Он сел напротив и положил большие кисти рук перед собой, сцепив пальцы. Странная манера сидеть, как будто он стесняется. Хех, расстрельный отдел. Вспомнив слова верзилы, девушка невольно улыбнулась. Руки на столе беспокойно шевельнулись, открыли синюю папку с тиснением «Секретно. Эксперт Иштоян» и Алиса увидела свою фотографию, прикрепленную скрепкой к стопке исписанных листов. Отдел Трибунала все больше ее разочаровывал. Отстали от жизни, подумала она и впервые на одно короткое мгновение вскинула глаза, оторвав их от лежащего на столе сероватого пятна света, плохо рассеивающего тьму: углы продолжали тонуть в темноте. Они встретились взглядами. У эксперта были изучающие умные глаза и крупные черты лица: породистый нос, сочные губы и высеченный из камня подбородок. Ему подходили слова «расстрельный специалист», но она знала, что это просто шутка верзилы из анга-

ра. Или не шутка? Что ей известно о Трибунале?

– Алиса Буги. Вы из тех самых Буги?

Голос вновь мягко загудел. Она улыбнулась и кивнула. Из каких «тех самых»?

– Тереза Буги моя бабушка.

Объяснений не требовалось. Кто же не знал Терезу Буги, первооткрывательницу! На этой планете ее боготворили.

– Рубен Иштоян, эксперт.

Он закрыл папку и отодвинул ее в сторону. Под папкой в небольшом углублении стола обнаружился ряд мелких кнопок. Увидев их, девушка испытала облегчение. Исписанные от руки листочки в папке заставили ее запаниковать. Она ни за что не смогла бы прочесть ни единой строчки рукописного текста, не впад в глубочайшую депрессию. В школе их даже бортовой журнал (святая святых космолетчиков) приучали наговаривать вслух, чтобы позднее судить о психологическом состоянии командира по интонации.

– Вы здесь на практике, не так ли? Две недели назад вас назначили вторым пилотом на транспорт, который доставил переселенцев из Африки на прииск Аида.

– Да.

– Что было дальше?

– Мы их высадили, забрали груз и вернулись назад.

Эксперт остался спокоен, но руки шевельнулись.

– Прииск погиб, – невыразительно сказал он. – Вы кое с кем подружились во время полета. Нам это известно. Взгля-

ните, пожалуйста, сюда.

Он приложил палец к красной кнопке, и одна из стен мягко осветилась, превращаясь в огромный экран. На экране возникло помещение как две капли воды похожее на их комнату, только ярко освещенное. Тот же стол, те же жесткие стулья с высокой спинкой. Похоже, Отдел Трибунала экономит на мебелировке, подумала Алиса и вдруг сообразила, что комната на экране настоящая. Это был не экран, а возможно какое-то очень толстое «умное» стекло с односторонней проницаемостью, так как маленький африканец, одиноко сидящий за столом, сгорбив спину, не повернул в их сторону головы.

На вид ему было лет одиннадцать-двенадцать.

– Кто это? – прямо спросил Иштоян. – Вы его узнаете?

– Это Нельсон, сын инженера Мутонга, переселенца. С ним была мать, жена инженера.

– Бесследно исчезла, как и все остальные. Уцелел только этот Нельсон. Он напуган, но не слишком сильно. На сотрудничество с нами не идет. Ест, пьет, да иногда плачет, ничего не объясняя. Кроме еды его ничего не интересует. Вы бы могли его расшевелить. Первый пилот сказал, что вы подружились с ним в полете.

Словно в подтверждение его слов дверь в соседней комнате неслышно открылась. Высокий плотный мужчина с военной выправкой вошел, держа поднос, на котором громоздились картонные коробочки с едой. Нельсон выпрямился и

сел ровней. Апатию как ветром сдуло.

– Никто никогда не считал Освоение детскими игрушками, – с горькой обидой проговорил Иштоян. – И к жертвам были готовы. Но в последнее время мы теряем неоправданно много людей, а в чем причина понять не можем. На разгильдяйство это не похоже. Дело на прииске иначе как мистикой объяснить невозможно, а я против подобных объяснений. Ну? Попытайтесь помочь?

На лице Алисы, вероятно, отразилось сильнейшее сомнение, потому что он вдруг вскочил, снова сел, громко хлопнул широкой ладонью по столу, заставив ее вздрогнуть. Хлопок получился как от кирпича.

– Хотите кофе? Не это, – презрительно кивнул он на телепорт. – Настоящее, душистое.

Они, не сговариваясь, повернулись, чтобы посмотреть, как маленький африканец одну за другой открывает картонные коробочки, с любопытством заглядывая в них. Выбирает что повкуснее.

– Я уже не могу на него смотреть, – заявил Иштоян. Мягкость в его голосе сменилась ожесточением. – Пойдемте в кафе, тут рядом есть одно приличное. Подумаем, как его расколоть. Ну? Хотите кофе?

Она не хотела, но сказала, что хочет. Зовите меня Рубен, велел он командным тоном, на который вдруг перешел незаметно для себя. И Алиса решила при первом удобном случае послать его подальше.

3

Прииск Аида был самой важной статьей дохода Освоения. Одноименный астероид, на котором он находился, был стреножен космическими станциями в трех днях пути от Второй планеты. Двигатели станций круглосуточно работали на полную мощность, замедляя осевое вращение астероида. Это было необходимо. Центробежные силы, создаваемые вращением при малом притяжении, затрудняли установку на поверхности астероида горнодобывающего оборудования, непрерывно рискующего улететь в открытый космос. Кроме того эти станции постепенно отклоняли его орбиту в сторону Второй планеты, чтобы связать их силой гравитации и сделать астероид спутником наподобие Луны. Затраты были большими, но они оправдывались. Вещество «Флора», которое добывали на прииске, наукой расценивалось как чудо. Весь груз с перевалочной базы между двумя планетами, которой служила Главная орбитальная станция Второй, целиком отправлялся на Землю.

Чудо заключалось в том, что вещество «Флора» было способно поглощать из атмосферы углекислый газ и выделяло кислород в сотни раз эффективнее земных растений. При частичном погружении вещества в воду в нем запускался процесс фотосинтеза, упрощенное своеобразие которого еще

требовало своего объяснения. Человечество получило мощное стабилизационное оружие против «парникового эффекта» и чрезвычайного загрязнения атмосферы промышленными углеродами. Теперь оно имело возможность наладить устойчивое экологическое равновесие и очищать атмосферу по мере надобности, извлекая из нее ровно столько углекислого газа, сколько было нужно, без помощи растений. И послать к дьяволу все свои леса.

Прииск был на особом контроле не только у Центрального Управления планетой (ЦУП), но и у нескольких наиболее развитых земных стран, подписавших договор Содружества и ведущих совместное Освоение Второй. Удар был настолько ощутим, что с Земли прислали интернациональную комиссию по расследованию. Эксперт Иштоян вошел в ее состав от планеты. Отдел Трибунала передал комиссии все имеющиеся у него материалы о последних днях прииска перед исчезновением, и следствие началось.

За две недели до описываемых событий космолет, на который Алиса была назначена вторым пилотом, принял на борт сто пятьдесят африканских добровольцев, специалистов горного дела, направленных с Земли на Главную орбитальную станцию Второй. Руководил ими представитель Организации Объединенных Наций инженер Джозеф Мутонга. Он должен был заместить на прииске имеющегося опытного горного инженера Белла и принять на себя некое мифическое «командование» астероидом Аида. Это была чистая политическая фикция. ООН кидали кость.

Переселенцы из Африки везли с собой жен, детей, стариков. Вся нужная инфраструктура для них на астероиде уже имелась, даже школа. Было и население – триста человек, взрослые и дети, в основном хорваты, которые сдавали вахту. Образ жизни здесь велся семейно-традиционный. Добровольцы на прииск набирались всего на полгода, в странах, где отмирающий жизненный уклад еще не был побежден современными тенденциями. Это обязательное условие набора навязал Земле Главный Медицинский Центр ЦУП: слишком велико было нервное перенапряжение работников прииска из-за ежедневного выхода в открытый космос. Пока взрослые (в том числе и женщины) обслуживали горнодо-

бывающих роботов, рубящих в шахтах ценную породу, дети учились, а старики присматривали за внуками. На семейные ценности делали ставку медики, но на сей раз они явно перемудрили. Предстоящее превращение астероида в спутник Второй планеты должно было положить конец этой возмутительной практике.

Как всегда в космосе рабочих рук не хватало и добровольцам из Африки были рады. Жалели только инженера Белла, жителя Второй планеты, на которого строгое семейное правило, так называемое обременение семьей, не распространялось; он был прекрасным человеком, но и Джозеф Мутонга тоже был прекрасным человеком. При встрече с Беллом он первым протянул ему руку с длинными музыкальными пальцами и розовой ладошкой и во всеуслышание извинился, что невольно подселел его по работе. И тут же торжественно вручил ему приготовленный заранее билет на посещение Земли по приглашению ООН, а также красочный туристический сертификат на месячное проживание в Лас-Вегасе и золотую карту казино Пир. Кое-кто из присутствующих на официальной встрече, возможно при этом криво ухмыльнулся, но дело было сделано и сделано красиво.

Дома инженер Белл долго вертел в руках полученное приглашение, вздыхал, разглядывал красочный сертификат и, в конце концов, решил не ехать. Он боялся Земли, как все, кто прожил на Второй больше десяти лет и привык к простой жизни, где нет места скуке и прочим дешевым выкру-

тасам.

Встреча проходила под воздушным куполом, уютно накрывшим поселок горняков. Воздух был доставлен сюда единой струей и по мере загрязнения регулярно очищался и восстанавливался веществом «Флора». Этим занимались специалисты по эксплуатации оборудования, отвечающего за связь, воду, воздух, пищевое производство и иные важные вещи. Все жители Второй планеты, они были наиболее ценным контингентом руководства. Вахтовый метод работы на них не распространялся. Имея в своем распоряжении таких людей Мутонга мог спать спокойно, ни во что не вникая и ни о чем не беспокоясь.

Вся остальная часть астероида Аида вместе с прииском была окружена безвоздушным пространством, и выход на работу каждый раз сопрягался с риском для жизни. Шлюзовая камера, через которую выходили на работу, была соединена с прииском километровой стальной тросом в гибкой пластиковой обмотке, к которому пристегивались индивидуальные тросы работников. Каждый включал свой баллон-ранец за спиной, из которого периодически выстреливала вверх струя газа, прижимая владельца ранца к поверхности, и начинал осторожное движение вдоль основного троса. Другие способы перемещения по астероиду были невероятно сложны и опасны из-за ничтожной силы тяжести. Смертельно опасной считалась также бомбардировка астероида метеоритами. В общем, переселенцам из Африки предстоя-

ло пройти обучение.

Когда их на третий день после прибытия вывели из шлюза в полном снаряжении на практические занятия, они оторопели. Вокруг сиял невыразимо прекрасный, прозрачный, миллиардно звездный мрак. Защитный купол над горным поселком выглядел маленькой серебристой полусферой, потерянной среди камешков ребенком, совершенно ничтожной по сравнению с великой вечностью. Все они почувствовали себя жалкими невесомыми песчинками. Но все же по настоящему потрясли африканцев не природные красоты, а рукотворные человеческие сооружения: три огромных космических станции с приглушенными огнями, которые медленно плыли в пространстве рядом с астероидом и напрягали все силы, чтобы удержать его в относительном покое. Казалось, до них было рукой подать, только протяни, но это была лишь игра воображения.

Их рассмешили яркие синие диоды, ровным кружком украшавшие скафандры. Издали они были похожи на нимбы святых. Оранжевые огоньки на скафандрах старожилков, идущих с ними в одной связке, им нимбами не казались. Длинная вереница «святых» с синими нимбами, устремившаяся к месту паломничества умирая от смеха и судорожно цепляясь за толстый раскачивающийся трос, пыталась полз-

ти вдоль него на коленях, ползком или кувыркаясь в пространстве. Высшее горное образование, которое они имели, и опыт работы в земных шахтах в невесомости оказались бесполезны. Никто не мог устоять на ногах при почти полном отсутствии веса. Все мешали друг другу. Многих мутило. Голоса инструкторов тонули в общем галдеже, эфир был полон язвительных замечаний:

– Эй, Лузала, ты и работать собрался на карачках? Вставай, парень! Что скажет жена, когда увидит твои сбитые коленки.

– Я в порядке, Мози, – отвечал Лузала. – Могу даже лежа поработать. А вот как ты будешь махать своей киркой, болтаясь вверх ногами?

Космос казался им забавным аттракционом, потому что они были людьми ловкими и сильными, и скоро у них должно было начать получаться. Про кирку Лузала конечно загнул. Породу рубили шкафообразные роботы, и она как в пылесос мгновенно затягивалась во внутренние контейнеры, которые нужно было вовремя менять. Шутки закончились, когда один из «святых» вдруг взмыл вверх ногами из середины вереницы, зачем-то отщелкнув карабин своего троса. Раздался истошный длинный вопль, больно ударивший по барабанным перепонкам, потом оборвался, и в наушниках наступила звенящая тишина. Вереница людей застыла в ужасе задрав головы. Их товарищ плавно падал в пространство в сторону одной из станций, беспорядочно вращаясь и бес-

помощно размахивая руками.

– Назови свое имя, сынок, – сказал в микрофон один из оранжевых наставников, который был пристегнут к тросу перед «беглецом». Он словно металлом скрежетал. Ослушаться такой голос никто бы не посмел.

– Я Зема, сэр, – ответил захлебывающийся женский голос, стараясь звучать непринужденно, но в нем явно слышались едва сдерживаемые слезы.

– Ты женщина?

– Да, сэр. Помогите.

– Перестань шептать. Ты отстегнула карабин? Зачем?

– Случайно, сэр. Он сам. Я не хотела.

– Точно случайно? А то всякое бывает. Мы не станем тебе мешать.

– Нет, я случайно.

– Ладно, больше так не делай.

– Спасибо, сэр. Я поняла.

Она говорила в нос. Ей хотелось высморкаться. Всклипнуть она боялась.

– Скорее, сэр, она улетает! – завопил чей-то голос, не выдержав нервного напряжения. Остальные молчали. – Скажите ей, что нужно делать?

– Ей нужно, чтобы ты заткнулся, парень, – ответил наставник. – Или я тебе морду разобью. А ты, Зема, должна развернуться ногами к астероиду. Выключи баллон с газом. Если помнишь, из него бьет сильная реактивная струя: повер-

нешься как надо, опять включишь, – и она вернет тебя назад. Постарайся. Не делай резких движений руками, просто раскинь их как птица. Отдайся пространству и перестань его бояться.

Она стала неуклюже поворачиваться, по-прежнему медленно удаляясь от астероида.

– Черт тебя дерит! – сорвался наставник через некоторое время, наблюдая за ее беспомощными попытками. – Не завидую я твоему парню, если ты с ним в постели так же ловка. Мы тут с тобой два часа должны торчать? Не беси меня, или я тебя взгрею, когда вернешься!

– Сэр, – робко вмешался кто-то. – У нее хватит воздуха на два часа?

– Кто-то забыл вынуть бананы из ушей, когда проводился инструктаж?! Ниже нагубника в скафандре есть устройство с кусочком «Флоры». Поплюйте на него, как станете терять сознание и дышите сколько хотите.

Через три с лишним часа страхов и нечеловеческих мучений Зема, наконец, опустилась в ста метрах от троса. Они выстрелили в нее крюком с веревкой, подтащили к себе и вернулись в поселок, едва живые от усталости. Этот день запомнится им навсегда. Муж Земы, не успевший поймать ее за руку, когда она взлетала, умер на месте от разрыва сердца. Никто этого поначалу не заметил. Остальные мысленно собрались и перестали считать космос забавным аттракционом.

А вечером Мози зашел к Лузале, чтобы прошептать ему на ухо:

– Готов поклясться, я видел, как Мирко сам отстегнул Земин карабин. Только никому об этом, парень!

Мирко звали наставника, который шел впереди Земы и ее мужа. Слова Мози ни в один документ, предназначенный для комиссии по расследованию, не попали и попасть не могли. Поверил Лузала товарищу или не поверил, тоже осталось неизвестным.

Вторую ночь подряд Рубен Иштоян лежал глядя в потолок, заложив под голову твердые как камень ладони. Ему казалось, что он вот-вот ухватит какую-то догадку. Она стремительно мчалась по эллипсу, то приближаясь к нему вплотную, то ускользая на другой конец траектории и делаясь почти невидимой – тогда все приходилось начинать сначала. А время было дорого. Они не могли просто взять и отослать на астероид новую партию добровольцев, пока не были уверены в их безопасности. Прииск простаивал, и Освоение временно перестало субсидироваться Землей. Процессы замерли в ожидании. Поэтому он не мог уснуть.

Но, по-видимому, он не все время бодрствовал, потому что иногда его мысли переключались на Алису. Тогда он проваливался в недолгий сон. Он все знал про Алису из документов Трибунала и жалел ее, считая ее историю печальной. Историю всех современных детей (за редким исключением) он считал печальной. Мало кто так считал кроме него.

Бабушка Алисы, Тереза Буги, первооткрывательница, которую тут боготворили, отправилась в космос бездетной. Космическая разведка длилась годами, и по строгим правилам перед полетом ей надлежало оставить свою яйцеклетку и прочий биологический материал, указанный в списке,

на хранение в криобанке. Если она не вернется, через семь лет на Земле начнет жить ее продолжение, точный клон или обычный ребенок, появившийся «из пробирки». Выбор был за ней. Идею клонирования Тереза категорически отвергла. Ей не хотелось, чтобы будущий ребенок был ее точной копией, ведь она считала себя единственной, поэтому ей срочно понадобился мужчина, согласный, чтобы его биологический материал был использован для искусственного оплодотворения. Этим мужчиной стал некий Артур Буги, способный инженер и веселый оболтус, единственный из знакомых, кто не был в нее влюблен. Она чуть не за руку притащила его в лабораторию, где их материал заморозили. Поженились они уже потом, после открытия Второй.

Прошло семь положенных лет, и замороженный материал пустили в дело. Тереза еще не нашла свою планету и медленно сходила с ума в открытом космосе. Ей везде чудилась бабочка-махаон. Вестей от нее не было никаких. Так на свет появилась девочка, которая выросла в интернате, не зная ни матери, ни отца и которой предстояло стать матерью Алисы Буги. Кого она выбрала в отцы Алисы, история умалчивает. Эту, ставшую обычной практикой не преемственности поколений, считал ужасной ошибкой Рубен Иштоян, хотя прекрасно понимал, что отстал от жизни. Алиса тоже выросла в интернате. Миллионы детей теперь росли без вмешательства родителей. Что было у них в головах и на сердце, никто не знал, да и не было охоты разбираться.

Снова эллипс с ускользящей догадкой. Мысли о прииске. Проваливание в сон.

У его дедушки в доме было свое кресло. Никто не смел в него садиться. После смерти деда бабушка распорядилась, чтобы кресло вынесли на открытую веранду, откуда было удобно любоваться горным пейзажем, заснеженным Арагацем. Каждый день она клала блюдце с кусочком свежесдобитой кяты на маленький столик у кресла, где лежал любимый костяной мундштук деда с двумя золотыми ободками и надорванная пачка папирос, и позволила внукам забираться в кресло с ногами. Потом она тоже умерла, а Рубен оказался здесь. И сколько бы он теперь не напрягал зрение, всматриваясь в ночное небо у себя над головой, сколько бы ни разглядывал его в карманный телескоп, Землю даже в виде точки видно не было. Слишком далеко.

Зачем он здесь?

Счастлив ли он?

Сегодня он целый день просматривал видео из горного поселка на ускоренной перематке (остальная комиссия уже в третий раз вылетела на астероид). Листал документы, делая особый упор на регулярно ведущиеся журналы: входа и выхода на прииск – ничего, школьные, с отметками пропуска занятий – ничего, статистику заказов через телепорт. Выпил семь стаканчиков плохого кофе с двумя отвратительными на вкус конфетами. Пищевая имитация Второй планеты все еще оставалась на низком уровне.

Вошла Алиса. Маленькая темная комнатка, в которой он сидел, словно раздвинула границы.

– Ну как? – бодрясь, спросила она.

Она только что вернулась. Возила Нельсона к водоему, куда ученые выпускали саламандр. Оба были довольны поездкой, но похвастаться ей было нечем, про прииск Нельсон молчал. Главным образом из-за этого упрямого молчания Рубен считал мальчика потенциально опасным. Хотя она случайно выяснила, что Нельсон боится высоты. Могло ли это им что-то дать?

Он устало пожал плечами. Ему тоже нечем было похвастаться. Разве что этим...

– Представь, – сказал он мягко. – Я нашел день, когда на видеозапись не попал ни один белый, только африканцы. Как такое вообще возможно, если все камеры висят в общественных местах? Что это значит, как ты думаешь?

Рубен лукавил. И без того было ясно, что это значит – шаг вперед в расследовании. Поиск вслепую закончился, у них появились вопросы, на которые нужно было срочно найти ответы. По ее радостно вспыхнувшему лицу он угадал, что она сейчас вскрикнет «Показывай!»

Эллипс с догадкой.

Алиса.

Заснеженный Арагац.

Школа на прииске была небольшой, и Джозеф Мутонга без труда засыпал ее подарками, умолчав для пользы дела, что их львиная доля была передана Организацией Объединенных Наций. Камария Мутонга, его красавица-жена в качестве ответного шага была торжественно приглашена занять место в школьном попечительском совете. Одиннадцатилетний Нельсон Мутонга был из-за роста объявлен опережающим свое развитие, и определен в старший класс. Выше был только выпускной класс. Очень скоро выяснится, что это была роковая ошибка с трагическими последствиями.

Дети в школе были распределены по шести классам с большим возрастным разбросом в каждом, таким образом, учеба здесь была неполноценной и не слишком обременительной. Главную свою задачу учителя видели в том, чтобы отставание от программы земных школ, куда детям предстояло вернуться через полгода, было не очень явным. Нельсон попал к двенадцати-пятнадцатилетним. Самыми многочисленными и активными были в классе тринадцатилетние подростки. Верховодили ими Петар Башич и два его дружка. Как-то после занятий они подстерегли Нельсона на улице. Это был уже третий учебный день, первые два дня Камария Мутонга сопровождала его в школу и из школы, но заблуд-

даться в поселке было негде, и более длительное патрулирование сына показалось ей делом бессмысленным. К тому же Камарии быстро все надоедало.

– Не спеши, малыш. Отойдем?

Они отошли. Петар Башич был наглым густобровым пареньком, имевшим успех у одноклассниц. Из-за того, что его крепко держали за руку повыше локтя, Нельсон немного напрягся, но не больше того. Оснований для паники не было, просто ребята были рослые и раздражающе тесно обступали его со всех сторон.

– Секи сюда, – сказал Петар, задирая вверх правый рукав рубашки и обнажая свое предплечье. – Что, нравится?

Нельсон увидел татуировку, сделанную совсем недавно. Кожа вокруг изображения кошмарного рыбоподобного бо-родавчатого существа с разинутой пастью противно опухла и покраснела.

– Хочешь себе такую же?

– А кто это? – вежливо задал вопрос Нельсон, чтобы сделать тому приятное. Клыкастый зверь его не заинтересовал.

Парни переглянулись и засмеялись, как над недоумком. Нельсону стало досадно. Петар ответил:

– Кости этого малыша нашли в болотах Второй планеты. Вот было чудище, я тебе скажу! Самого свирепого земного ящера Тираннозавра он мог как муху проглотить. Когда я вырасту, вернусь сюда и найду такого живого. Мы с ним подружимся, я его приручу. Не хочу жить на Земле, там скуч-

но. Знаешь, как я его назову? Мутонга, как тебя. Нравится? Будешь с нами дружить?

Нельсон решил не отказываться. Дружья со статусом могут быть полезны.

– Побегали? – предложил Петар Башич и они побегали.

Когда он вернулся домой, то наступил в тамбуре на желтую таблетку. Таблетка хрустнула. Дальше их на полу валялась целая россыпь розовых, синих, но желтая была самая сильная. Камария, сбросив с себя всю одежду, кроме туго обтягивающих лосин, плавала под низким потолком комнаты, повернувшись к нему лицом. Выглядела она как шоколадка, особенно узкая мускулистая спина, плавно расширяющаяся и переходящая в крутые ягодицы. Магнитный пояс, который все жители поселка были вынуждены носить день и ночь, валялся на кровати. Этот пояс притягивал их к толстому искусственному покрытию, на котором стоял поселок. Под покрытием вращались в сложном сочетании разные по силе электромагниты, создавая приемлемую силу тяжести в границах, очерченных прочной защитной полусферой.

Комнатная антигравитационная приставка Камарии была включена в сеть. Это была популярная на Земле детская игрушка, которую она провезла сюда контрабандой в багаже своего мужа, несмотря на запрет. Более мощная новая модель была уже засекречена военными. В дальнейшем планировалось создание антигравитационной установки планетарного масштаба.

Нельсон заглянул на кухню и вернулся обратно. Отца дома не было, в крохотной квартирке скрыться было невозможно. Камария перебирала руками по потолку, как большая сочная муха, оставляя на нем пятна от пальцев и медленно перемещаясь, чтобы оказаться точно над кроватью. Нельсон неподвижно стоял в дверях, задрал голову. Потом, не дожидаясь, когда она нажмет кнопку на пульте, засунутом за резинку лосин, он подошел и выдернул из розетки шнур приставки. Камария упала, не слишком быстро и не слишком промазав мимо кровати, но пружины матраса снова плавно подбросили ее вверх и в сторону. На пол она кувыркнулась совершенно невредимой и вяло сказала мальчику, не глядя на него:

– Придурок.

Он отвел глаза от ее налитых коричневых грудей, маленького шедевра их семейного пластического хирурга и не ответил.

Весь следующий день Нельсон тусовался с новыми друзьями. С двух последних уроков они удрали. У Петара оба родителя ушли на прииск, а бабушка отправилась поболтать с подругой, и дом был свободен. Сначала они заказали через телепорт конфеты и сильногазированную шипучку, потом шипучку другого цвета, а потом кофе и булочки с корицей. Последний заказ возвел их в ранг солидных взрослых людей. Кофе и булочки! Кофе и булочки, кто бы мог подумать! Пусть слоеные булочки имели пластмассовый вкус и крошились в руках, а корицу никто не любил – это настроение не портило. Все чаще хозяин дома, смущенно хихикая, незаметно поглядывал на друзей, подавал им таинственные знаки. Нельсону приходилось делать вид, что ничего не происходит.

– Ну? – не выдержал наконец рыжий Славко. – Что мы тянем? Только пусть сперва поклянется.

Он полез в карман и торжественно выложил на стол маленький бумажный комок. Все придвинулись поближе. Комок был очень грязный – непрезентабельный, как выразился бы отец Нельсона. Дома Нельсон ни за что бы к нему не прикоснулся, но то дома, а тут другое дело. И он развернул его по предложению друзей.

В бумажке оказалась кусочек бурой глины, похожей на пластилин, непрезентабельной, как сказал бы брезгливый Джозеф Мутонга.

– Что это? – спросил Нельсон, недоверчиво вытирая о штаны руки.

– Флора! – восторженно выдохнул Петар. – Флора! Только поклянись, что никому не скажешь.

– Клянусь, – без воодушевления проямлил Нельсон. Волшебное вещество, о котором так много говорили здесь и на Земле его не впечатлило.

Но парни от возбуждения сучили ногами под столом, напоминая гурманов, которым пообещали какую-то вкуснятину и они уже слышали приближающиеся шаги посыльного.

– Что мы тянем? Давайте уже закинемся, – простонал рыжий Славко.

И они закинулись. Каждый положил в рот крошечный шарик Флоры, скатанный руками Петара, остальное было засунуто в укромном месте за пластиковую панель. Оживившийся молчун Златан предлагал скормить Нельсону двойную порцию, но остальные отвергли это предложение. «Помнишь, что случилось с Таней?», напомнил Петар. Нельсону очень хотелось спросить, что случилось с Таней, но он боялся уронить свой авторитет и показаться трусливым слабаком. Осторожность подростки презирают. Да и что могло случиться? Не наркотики же это?

Когда он очнулся, они стояли над бездной на самом краю

какой-то раскачивающейся верхотуры, под которой далеко внизу расстился поселок горняков, а макушки их голов буквально скребли по защитной полусфере. Это была стрела для ремонтных работ, в которых иногда нуждался купол. Вблизи было видно, какие гигантские болты были вкручены в металл, способный отразить удар метеорита величиной с булыжник. Извне автоматические пушки с радарными караулами более крупные экземпляры, готовые расстрелять их еще на подлете.

Нельсон дико вскрикнул, хватаясь руками за ограждение. Петар и Златан держали за ноги блаженно улыбающегося Славко, перекинув его через перила вверх тормашками. Лицо его побагровело от прилива крови.

– Отпускайте! – крикнул он и, визжа от счастья, полетел вниз. Не упал, а именно полетел, плавно ныряя в слоях атмосферы, как ныряет взад-вперед невесомое перышко с пухом у основания. Сила тяжести, создаваемая электромагнитами, на них почти не действовала, потому что свои пояса они сняли перед тем, как взобраться на стрелу.

– Давай, ты следующий! – сказал Нельсону Петар. – Знаешь как классно!

Нельсон завизжал. Он до ужаса боялся высоты. Даже поднявшись на табурет, он испытывал панику и головокружение, а тут... О потере авторитета он уже не думал и судорожно боролся за свою жизнь в течение нескольких минут, но конечно проиграл. Его пальцы отодрали от поручня, его те-

ло перекинули через ограждение, его щиколотки оказались в цепких мальчишеских руках.

– На счет три, – сказал Петар Златану. Тот деловито кивнул. Нельсон верещал не переставая.

– Малыш, ты нам еще спасибо скажешь!

Они разжали руки, и крик Нельсона захлебнулся внизу под стрелой.

– Кто следующий? Я? А давай вместе?

– Давай!

Они взялись за руки и спрыгнули вниз, как прыгают «солдатиком» с вышки в бассейн. В полете руку Златана вырвало из руки Петара. Лететь до земли было метров семьдесят, и дух захватывало так, что останавливалось сердце, но это было непередаваемое ощущение. Петар эффектно приземлился на одно колено, Златан проехался спиной по шершавому покрытию. С поясами в руках к ним бежал улюлюкающий Славко. Один магнитный пояс он уже бросил на грудь распростертого поодаль Нельсона. Тот лежал, закатив глаза, сверкая из-под век голубоватыми белками. Тело его содрогалось в жестоких конвульсиях, по щекам текли слезы, ноги дергались. Человека с акрофобией сбросили с семидесятиметровой высоты.

– Что это с ним? – прошептал Петар. – Эй, парень, ты чего?

Нельсон не ответил. Ничего не соображая, он стал приподниматься на локте как боксер после нокдауна, у которо-

го сознание еще «плывет» и ноги не держат, и снова упал. Петар рассмеялся.

– С непривычки, наверное. Дай руку, парень! Вставай! Этим ты не отвертишься, завтра мы с тобой вместе полетим. Будет весело, точно тебе говорю, просто нужно привыкнуть.

Нельсон не ответил. Стоя над ним, Петар отряхивал свою коленку. Кто-то подхватил Нельсона под мышки, поставил на ноги, заставил идти, довел до дома. Глаз он не открывал, ему было невероятно стыдно. Камария в комнате с включенным антигравитатором продолжала парить под потолком. Почти на ощупь Нельсон дополз до своей кровати, рухнул в нее и во весь голос разрыдался. Сегодня был день его позора, а завтра... завтра будет продолжение! Боже! Почему бы всем этим белым просто не исчезнуть, чтобы у них не было никакого завтра! Почему бы им просто не пропасть?!

На следующее утро он в школу не пошел. Этот день эксперт Иштоян пометил у себя в блокноте единичкой и галочкой. С него все началось. Ни один белый не попал на видеозапись, которую он потом просматривал. В дальнейшем он и Алиса обнаружат, что школьные журналы с этого дня больше не ведутся. Что никто не выходит на прииск, и никто не возвращается с него. Никто не получает рабочую одежду и баллоны с газом.

Но первым эту невероятную пропажу обнаружил Джозеф Мутонга. Когда он большими шагами ворвался в свой дом, на нем лица не было. Взглянув расширившимися глазами на жену и потолок, он в сердцах рванул из розетки шнур антигравитатора. Весь потолок был разрисован пальцами по пыли и буквально расцвел фантастическими узорами: распустившимися тропическими лилиями, выползающими из всех углов волнистыми лианами, закругляющимися линиями и мордами неведомых зверей. За несколько дней он превратился в настоящее произведение искусства.

Камария упала, не очень больно ударившись головой о стул, и сказала без всякого выражения:

– Дурак.

– Оденься, – прошипел он сквозь зубы, сжимая и разжи-

мая кулаки. – У нас тут кое-что случилось. Сейчас я вызову сюда своих людей и мы посоветуемся. Сиди на кухне, не высывайся, жди, когда я тебя позову. Если позову.

– Да пошел ты, – сказала Камария, осторожно массируя пальцами ушиб. – Надоеды!

– Накинь что-нибудь на себя и собери с пола все свои таблетки. Не хватало, чтобы их кто-нибудь увидел. Закажи пиво, много пива в кредит, я потом оплачу.

На астероиде действовал сухой закон (на Второй планете он был не такой строгий) и пиво было безалкогольным. Оно не входило в список бесплатных продуктов питания, поставляемых через телепорт, и требовало оплаты кредитками. Так назывались местные деньги, неразрывно связанные с земными банками, где у каждого члена космического сообщества был открыт счет, буквально распухающий на глазах.

Но выводить свои деньги с Земли не было никакого смысла, в космосе на весь период Освоения был объявлен военный коммунизм, дабы не отвлекать людей от работы решением жизненных проблем. Люди жили на всем готовом. На самом деле Земля таким образом просто тормозила развитие космического социума, опасаясь возможного нарастания сепаратизма на Второй планете.

– Где Нельсон?

– К черту Нельсона! – с чувством ответила Камария. – Посмотри сам. Он или болен или притворяется.

Она захлопнула кухонную дверь, чтобы оказаться в зоне

комфортного одиночества и злобно подумала, зачем? Зачем она согласилась на все это?

Через полчаса, пугливо косясь на разрисованный потолок и стараясь не топтать как слоны, группа нахмуренных мужчин вошла в дом, чтобы организовать Оперативный Штаб и обсудить чрезвычайную ситуацию на прииске. За это время Джозеф Мутонга создал в голове некое полуфантастическое видение событий и прямо на бумажной салфетке записал несколько собственных версий случившегося, начиная с происка врагов до божественного промысла. Происки врагов он считал наиболее вероятной версией и даже перечислил варианты: месть инженера Белла; белый саботаж; интриги завистников из ООН. Божественный промысел попал в его версии от отчаяния. В него уже вообще никто не верил.

Мужчины разобрали стаканчики с пивом. Тех, кто уже научился самостоятельно надевать защитный скафандр и ходить вдоль троса, решено было отправить на прииск, искать саботажников в глубине шахты, остальные должны были произвести тщательный обыск в пустых домах. В них могли притаиться старики и малые дети, которых не так легко было где-то спрятать. Сам Мутонга с двумя помощниками направились в пункт связи, чтобы попытаться отправить отчет и запрос о помощи на одну из космических станций, которые маячили возле астероида.

Через несколько часов все снова собрались. Итог был неутешительный. Никого так и не нашли. Система связи

оказалась защищена биометрическим сканером, отключить который не удалось. Лузала погиб в шахте по неосторожности, обесточивая роботов, бесконтрольно уничтожавших ценную породу, которая улетучивалась в космос, потому что все сменные контейнеры в роботах были заполнены. У шести человек тяжело оттопыривались карманы, забитые ценными вещичками, привлекшими их внимание в пустующих домах. Дома выглядели так, словно их никто не покидал. Все постели были расправлены и еще хранили очертания исчезнувших людей.

Нарастало чувство отчаяния. Никто не знал, что делать, зато все ясно представляли теперь свою ничтожность. Без пропавших эксплуатационников никто здесь не умел пользоваться буквально ничем, кроме телепорта. Пока жизнеобеспечение работало в заданном режиме, но сбой был лишь вопросом времени, потому что никто не знал, как часто нужно подсыпать Флору в установку очистки воздуха, ну и все такое прочее. Что им оставалось делать? Превозмогать ужас, крепко зажав в кулаке растрепанные чувства. Набравшись терпения ждать грузовой транспорт, который придет за Флорой не раньше, чем через неделю. Все чувствовали себя униженными и брошенными как дети, несколько раз даже прозвучало слово «сволочи». Им казалось, что верткую маленькую льдину оторвало от шельфового льда и несло на погибель в открытый океан.

К ночи мужчины разошлись, оставив гору мятых пив-

ных стаканчиков и картонные коробочки из-под бутербродов. Джозеф Мутонга едва не валился с ног от усталости и переживаний. Но оставшись один среди этого свинарника, он вдруг вспомнил важную вещь, которая могла бы прийти ему в голову раньше, не будь он так растерян. Она касалась Нельсона. Он даже подскочил, когда она вспомнилась.

А Нельсон сидел на кухне и жевал имитированную курочку в хрустящей панировке. Камария, меланхолично скрестив длинные шоколадные руки на коленях, смотрела в пол пустым взглядом. За целый день они парой слов не перемолвились.

– Фуф! – вздохнул Иштоян, потянувшись до хруста в костях, и резко поднялся со стула, чтобы размять затекшее от неподвижного сидения тело. Свет автоматически включился, и он устало заслонил глаза рукой. – Чем дальше, тем больше мне все это не нравится. Исчезли белые, тут я еще могу что-то допустить, но ведь потом пропали африканцы! В какие ворота это лезет? Чем они ему помешали? Хочешь, я сбегаю в кафе? Что тебе принести?

– Только не кофе, – мрачно ответила Алиса, глядя исподлобья и не уточняя, кому «ему». У Иштояна все уже было заранее решено.

Ей хотелось закинуть ноги на стол и покачаться на стуле, не будь он привинчен к полу. Хотелось послать все подальше. Хотелось закричать. Она пилот-космонавт, а не следователь, почему ее приказом временно перевели в отдел Трибунала? Часами сидеть, пожирая экран глазами? Развлекать Иштояна? Зачем? Нельсон так и не раскололся, ее лепта была равна нулю. Что дальше?

– Тебе нужно отдохнуть, – сказал Иштоян. – Глаза красные. Завтра не приходи, ты ведь не обязана. Выспись как следует, кофе попей.

Он улыбнулся ей сверху вниз. После двадцати порций теп-

лой коричневой бурды на двоих фраза прозвучала как издевка, да еще лукавая улыбочка сверху, – это ее окончательно добило.

– Ненавижу его. Кофе.

– А что не предупредила? Мы с детства дома только его и пили.

– Где дома? – вызывающе спросила она. С шестнадцати лет ее домом была Вторая планета. Чужаков она не любила.

– В Армении.

– А где это?

Рубен сел на место и вывел на экран карту. Увеличил. Пальцем изобразил на ней невидимый овал.

– Вот здесь.

Монитор между ними был двухсторонним. Он отгораживал их друг от друга. Прикосновение к экранному сенсору отражалось на втором экране туманной точкой с мягкими краями или размытой движущейся линией. Алиса попыталась сосредоточиться. Пелена усталости в голове продолжала колыхаться.

– Это на Земле?

Он кивнул. Кивок ей был не виден. Карта была старинная, но сути это не меняло.

– А что это за забавные названия вокруг? Арамейцы, фригийцы, хурриты, касситы.

– Народы, которые давно исчезли. Наши соседи. Если бы мы не были такими упертыми, исчезли бы как они. Взгляни

на карту, сколько их было – и где они теперь?

– И где они? – все еще враждебно спросила она.

– На их землях теперь живут другие народы: турки и арабы. А все потому, что они не проявили должного упрямства и твердости, как мы.

Алиса на мгновение задумалась. Задумчивость ей очень шла. Длинные загнутые ресницы и влажные глаза делали свое дело.

– На Земле тогда творились гнусные вещи, – из-за монитора сказал Иштоян, но в данный момент ее занимало совсем не это.

– А кроме упрямства у вас есть еще недостатки? – спросила она, выглядывая.

– Есть. Раздутое самомнение. Мы считаем себя умнее других, – серьезно ответил Рубен. – Это плохо.

– А что в вас хорошего?

– То, что мы в этом часто оказываемся правы, – неожиданно холодно сказал Иштоян, твердея лицом. – Ну? Наша словесная разминка закончена? Дальше в программе пробежка до кафе. Поклюем что-нибудь с газировкой и dokonчим просмотр, осталось совсем немного. А завтра возьмешь выходной, отдохнешь.

Экран погас. Они вышли, замок защелкнулся.

Ночью Алиса долго разглядывала Большой Электронный Атлас, впервые в жизни заинтересовавшись земной географией, а не картой звездного неба. Размышляла. Утром она как штык была на работе. Рубен усмехнулся, но промолчал, широким жестом пригласив садиться. Он только что прочел многостраничный документ «Выводы Интернациональной Комиссии о происшествии на прииске Аида» и был переполнен сарказмом.

– Ела?

– Да.

– Молодец. Эти ребята, – сказал он, небрежно кивнув на отчет, – на все готовы, лишь бы скорее свалить отсюда. За свои ошибки они расплачиваться не будут; за эту тоже заплатят другие, например, новая партия добровольцев, которых пришлют сюда с Земли. Мы с тобой опоздали. Виновный нашелся.

– Кто?

– Джозеф Мутонга и международный терроризм.

Алиса сморщила носик. Она не знала, что такое международный терроризм. Просто абстрактное понятие, которое ничего не объясняло.

Рубен швырнул карандаш на лист ватмана с отпечатан-

ным на нем подробным планом поселка, испещренным множеством пометок. Дома в нем были пронумерованы и надписаны фамилиями людей, их занимающих. Карандаш покатился по столу, пришлось припечатать его ладонью.

– Садись. Я тут с пяти утра. Ночью меня посетила муза, так что имеются важные подвижки. Взгляни на план поселка: новобранцы жили компактно тут, тут и тут. Мы с тобой напрасно считали, что на всех записях с уличных камер одни и те же африканцы. Нам ведь кажется: их родная мать не различает, но система распознавания лиц позволила себе с этим не согласиться. Она определила, что в отличие от белых, африканцы исчезали в два приема – двумя большими группами с промежутком в один день. Я сверил данные распознавания с досье всех вновь прибывших на астероид и пометил на плане дом каждого исчезнувшего в первый день крестиком, а через день – галочкой. Они оказались вперемешку, никаких явных признаков отбора я не увидел, да это и не важно. Важно, что Джозеф Мутонга пропал в первой группе, следовательно, интернациональная комиссия ошиблась: никакой он не международный террорист, а просто пострадавший. К исчезновению второй группы он не причастен. В поселке остались только Камария и Нельсон. Оба попали на видеокамеру. Потом пропала Камария.

Он взъерошил волосы и откинулся на спинку стула. Алиса молча ждала продолжения. Он когда-нибудь отдыхает? – со вздохом подумала она.

– Перед исчезновением первой группы африканцев школьные камеры зафиксировали нездоровое мельтешение детей. Выяснение отношений. Чтобы узнать, в чем там суть я воспользовался программой для чтения по губам. Разговор шел на суахили. Взгляни на экран. Вот расшифровка. А вот еще одна, за день до исчезновения второй группы. Дети это маленькие жестокие животные.

– Помню по своему интернату, – согласилась Алиса, вчитываясь в предложенные расшифровки.

– Стоит кому-то обидеть Нельсона, обидчик исчезает. Бог создал наш мир за шесть дней, а малыш Нельсон разобрался с ним всего за четыре с промежутками, маму с папой не пожалел. Пора писать отчет, но как его писать, если у нас нет никаких доказательств, чтобы вывести его на чистую воду, кроме логических умозаключений. Что делать?

– Как ты будешь в отчете все это объяснять? Я бы тебе не поверила.

– Из-за мамы и папы, наверное?

– Из-за них тоже. Ты бы поверил?

– Ничему я не верю. И ничего не исключаю, – нахмурился Иштоян. – Знаю только, что никаких объяснений от нас не ждут. И не все в жизни можно объяснить. Например, от Земли до нас 310 световых лет, а мы тратим на это расстояние всего семьдесят часов. Это что, фантастика? Ты пилот, сама знаешь, мы еще не достигли даже скорости света, значит дело не в скорости, а во времени или в пространстве.

Куда девается остальное время, ты можешь объяснить? Нет. И никто не может!

– Ученые могут, – звонко возразила Алиса, непримиримо вздернув вверх острый подбородок.

– Они пытаются это объяснить, но ничем не могут подтвердить! А насколько их объяснения точны? В нашем случае то же самое: есть видеозаписи и есть умозаключения на их основе, но если мы будем подменять доказательства объяснениями, Трибунал рассмеется нам в лицо. Как Нельсон это делает Трибуналу не важно. Нужны факты, что это дело его рук, вот и все. Так у тебя есть какая-нибудь идея?

– Нужно его напугать, – предложила Алиса. – Или разозлить.

Иштоян рассмеялся. Он сам подталкивал ее к этому решению. Ты ж моя умница, подумал он с нежностью, удивившей его самого, а вслух сказал:

– Лучше разозлить. Он обидчивый малый, к тому же, вероятно уже поверивший в свою безнаказанность, таких легко спровоцировать. Нам придется смириться с риском, что можно исчезнуть навсегда.

– Мне тебя будет не хватать, – заявила Алиса. Она шутила.

– Знаю, – ответил Рубен. Он не шутил. – Изложи мне по пунктам, чем мы можем его взбесить. Ты же его хорошо знаешь. Сделай это сейчас, не откладывая.

Она задумалась, потом улыбнулась, придвинула клавиатуру и быстро застучала по клавишам. Через полчаса он уже

фыркал от смеха, читая ее список с экрана и переписывая себе в блокнот особо понравившиеся пункты. Идеи роились в его голове.

После чрезвычайного происшествия Камария Мутонга два дня дежурила в школе, замещая пропавших учителей и патрулируя коридоры и классы, заполненные взволнованными детьми, потому что так захотелось ее мужу. Он потребовал, чтобы поселок продолжал жить обычной жизнью, дабы люди не унывали. На третий день она начихала на его хотение и заперлась в своей комнате, наглотавшись таблеток. Несколько бабушек, помогавших ей в этой высокой миссии, остались без руководства и забаррикадировались в кабинете директора. Дети были предоставлены сами себе.

Последствия не заставили себя долго ждать. Не услышав утром пластмассового цоканья по коридору высоких каблучков Камарии, классы зажили своей жизнью. Целый день школьники, проявляя самые худшие животные инстинкты, делили территорию и задирали друг друга. До драк дело не доходило, но угрозы так и сыпались со всех сторон, как искры из разворошенного костра. Власть захватили старшеклассники.

Малышам разрешили ходить в туалет только по правой стороне коридора и только по стеночке, а всем лопоухим, картавым и не иссиня-черным запретили высовываться из классов, даже если терпеть становилось уже невмоготу. У

дверей всех классов расположились преисполненные важности дежурные, хихикающие и перемигивающиеся друг с другом. Нельсон неожиданно для себя оказался в числе лопухих и не иссиня-черных, что разозлило его до крайности. Он и еще несколько ребят пробовали протестовать и звать к голосу разума, к гражданским правам и свободам, но их хитростью заманили в пустующую учительскую и заперли там на два часа, лишив обеда. Когда их, наконец, выпустили, они чуть не плакали от обиды. Нельсон возвращался домой, мстительно закусив пухлую нижнюю губу. Смерть черномазым.

Все это имело совершенно неожиданные последствия. Среди ночи его грубо растолкала Камария. Она была в истерике.

– Ты не знаешь, где отец? – спросила она, вся трясась. Нельсон сонно протер глаза, подскочил как ужаленный и сел на кровати. Большие, расширенные от ужаса коровьи глаза Камарии в упор смотрели его. Как всегда она была полуголая и не замечала этого.

– Может он вышел? Может случилось еще одно ЧП? – непонятно почему шепотом ответил Нельсон, лихорадочно соображая. Голос ему изменил.

– Придумай еще что-нибудь, – завизжала Камария. – Выйти он не мог, его магнитный пояс лежит на постели. Он бы и двух шагов не сделал, понял? Отвечай: это твоя работа? Отвечай!

– Не моя.

Он оттолкнул ее ногой. Она сползла на пол, села в полутьме и бессильно привалилась спиной к стене. Ее пояс был на ней. Нельсон потуже затянул свой. Его тоже трясло. Джо-зеф Мутонга был не просто отцом, он был его кумиром.

Когда во всех помещениях и на улицах поселка одновременно включился слабый утренний свет, Нельсон ожесточенно грыз уже третью куриную голень, заряжая старый отцовский органайзер, которым давно никто не пользовался. Он хотел с его помощью понять, почему пропал отец. Случилась ужасная ошибка, и он в принципе почти догадался, как она произошла, но чтобы проверить свою догадку, нужны были семейные фото, которыми Нельсон раньше не интересовался. Вскоре экран органайзера засветился. Еще через несколько минут его догадка подтвердилась.

Нельсон ушел к себе в комнату, и целый день пролежал лицом в подушку, тихо шмыгая носом. Подушка отсырела от слез. То, что он нашел в органайзере, перевернуло всю его маленькую жизнь. Одной фотографии хватило. Собственно, там и была одна эта фотография, потому что семейные фотографии теперь никто не делал, никто не хранил, и царило всеобщее безразличие. Только на деле это оказалось не совсем так. Внутри каждого незрелого маленького человечка, оказывается, теплилась душа; ее легко было ранить, легко убить. Она отсутствовала только у взрослых, да и то не у всех. Медицина уже начала работу над ее окончательным

устранением. Душа – это ненужный отросток в человеческом организме, наподобие аппендикса.

На фотографии была запечатлена для истории семья Мутонга. Дедушка (главный шаман республики и потомственный колдун). Бабушка (она умерла так давно, что Нельсон ее совсем не помнил). Отец (начинающий политик). Мама (красавица, прижимающая к груди маленького Нельсона) и Нельсон (кто-то сунул ему в ручку флажок, раскрашенный в национальные цвета) на фоне просторного белого особняка, утопающего в кудрявых пальмах. Юная Камария с белозубой улыбкой на лице, прелестная в своем кружевном передничке, удобных туфельках и мини-юбке, стояла поодаль, держа наготове поднос с напитками, чтобы подать его по первому зову. За ней толпились другие слуги.

Органайзер чуть не выпал из рук Нельсона.

Семейных тайн, о которых он не подозревал просто потому что ничем не интересовался, оказалось слишком много, чтобы их можно было пережить играючи. Два следующих за Камарией удара были еще сильнее. Матерью Нельсона оказалась абсолютно незнакомая ему рослая белокурая скандинавка (сам он всегда считал матерью Камарию, несмотря на то, что их антагонизм перешел все границы).

Отца он узнал сразу. Джозеф почти не изменился, только цвет его кожи на фотографии был иссиня-черным как у дедушки. Нельсон закрыл глаза. Вот почему он исчез вместе с вчерашними врагами Нельсона! О такой возможности

Нельсон сообразил только сегодня утром. Он всегда гордился тем, что приятный кремовый оттенок его кожи так похож на цвет кожи отца, а оказалось совсем наоборот! Это его цвет с помощью пластического хирурга отец взял для себя за образец.

Неизвестно, какая из свалившихся на него новостей ранила больней других. Весь день Нельсон провел в постели. Как вернуть назад то, что сделано, он не знал. Кажется, это было уже невозможно.

Вторая расшифровка Рубена Иштояна, прочитанная по губам, касалась чудесного вещества Флоры, которому находчивые дети астероида нашли иное применение, нежели взрослые, в точном соответствии с выражением «дети все в рот тянут». Пока оставшиеся жители поселка сходили с ума от ужаса, обнаружив новую пропажу населения, и в отчаянии ломали руки, их дети играли в смущение на виду у взрослых, но как только оставались одни, начинали хихикать как сумасшедшие. Исчезновение, в котором не было ничего трагического, казалось им забавной игрой. Они уже сгруппировались по интересам, в которых главную скрипку снова играли старшие ребята. В обед они общими силами попытались взломать склад, принадлежащий Службе Очистки Воздуха, где хранился запас Флоры для воздушных насосов, но двери не поддались.

– Вот оно, это место, – сказал Иштоян, останавливая видеозапись и заглядывая в свой блокнот. – Сейчас они постучатся к Нельсону. Режь отсюда. Четыре минуты.

Они с Алисой собирали папку с файлами для Приложения к отчету. На экране двое ребят разговаривали с Нельсоном. Вели они себя вызывающе. Всем было известно, что Джозеф Мутонга уже не командует прииском, что он оказался слаба-

ком и исчез вместе с другими «черномазыми».

Алиса заглянула в расшифровку.

– Они дали ему один день, чтобы он нашел в отцовских вещах электронные ключи от всех интересующих их дверей. Эти двое – настоящие бандиты!

– Они не знают, с кем связались, – усмехнулся Иштоян. – Заметила, Нельсон даже не стал отнекиваться, он уже все для себя решил. Их песенка уже спета. А еще они не знают, что вылететь на Землю, набив Флорой карманы, им все равно бы не дали при досмотре, если таков был их план. Я уже видел ловкачей, которые хотели тут разбогатеть. Видел набитые Флорой чемоданы.

– Все равно это не объясняет ни мать, ни отца! Как он мог с ними так поступить?

– Выкини слово «объяснить» из своей головы, – строго сказал Рубен. – Мы докажем лишь то, что мы можем доказать. Достаточно для Трибунала. Нас торопят. Несмотря на трагические события, уже три страны на Земле подали заявку для посылки на прииск своих добровольцев. Флора нужна Земле.

Алиса насупилась. Ей все это не нравилось, и она точно знала, что сделает, как только отчет будет принят Трибуналом. Подаст прошение о своем возвращении в летный отряд. После отчета Иштояна их работа по сути закончится и ее нахождение здесь потеряет всякий смысл; а еще ей хотелось пореже встречаться с Иштояном. Она чувствовала, что он

каким-то необъяснимым и мягким образом ее порабощает. От его спокойного гулко-го голоса и глубоких черных глаз у нее начинали бегать мурашки по спине. Алиса этого не хотела.

Она ушла домой пораньше, а он сидел, улыбаясь, и слушал, как гремят по ступеням ее ботинки. Думал, носила ли она когда-нибудь что-нибудь кроме серебристого уставного комбинезона, скрывающего фигуру, и серой формы воспитанницы интерната? Что-то более женственное. Впрочем, Земля и ЦУП считали, что на данном этапе Освоения ничто, даже это, не должно отвлекать космическое сообщество от работы.

Жизнь Второй планеты строилась строго по науке, исходя из рекомендаций медиков и психологов, несмотря на туманность многих запретов и ограничений. Запрет криобанков (весь биоматериал мог храниться только на Земле), запрет на детей и деторождение (местные жители могли забрать своих детей из земных интернатов не раньше их шестнадцати-летия), а взамен нормального отношения полов физиологические ящики личного комфорта! Ни в какие ворота это не влезало. Складывалось ощущение, что Земля просто ревнует планету к космосу.

До поздней ночи эксперт Иштоян просидел в своей тесной комнатухе, заканчивая отчет. Он не подозревал, что тем самым приближает свое расставание с Алисой. Но даже если бы знал, ничего бы это не изменило. Он бы не остановился.

Эту ночь все они провели очень плохо, не спалось даже Нельсону. Рубен, часто вздыхая, пролежал до утра с открытыми глазами. Алиса тяжело металась во сне. Ей было невыносимо жарко, и постель к утру отсырела. Каждый встретил рассвет в своей маленькой изолированной «норке», как того требовал Свод Гражданских правил о отдельном проживании.

В 5:45 утра во всех мужских квартирах, одновременно тренькнув колокольчиком, на двадцать минут включился физиологический ящик личного комфорта – половой удовлетворитель, как называли его сами жители – раздвинул створки и стал почти бесшумно надвигаться сверху на кровать Иштояна. Второе централизованное включение физиологических ящиков происходило поздней ночью и длилось полчаса. Такие же ящики в женских жилищах включались в часы сиесты и вечером сразу после ужина.

Устройство нельзя было включить когда заблагорассудится, но можно было отключить после включения. Через шесть дней такого индивидуального отключения к нарушителю спокойствия являлся психолог из городской мэрии и деликатно предлагал свою помощь. Разбирался с проблемами личного характера, задавал неудобные вопросы. Прихо-

дил он на днях и к Алисе, которая вдруг перестала бывать на сиестах. Иштоян каждый день гнал ее домой, но ей почему-то неловко стало уходить, зная, что он может подумать и наверняка подумает. Это неизвестно откуда взявшееся смущение удивляло ее саму. Жители Второй планеты ханжеством не страдали, с юмором окрестив процесс анти-депрессивной терапии (механического совокупления) смешным термином «сыграть в ящик».

В то же утро, но в разное время были поданы отчет в Трибунал и прошение Алисы о переводе. Иштояна тут же об этом уведомили. Виду он не подал. Когда она с опозданием и с сияющим лицом явилась на работу, на ее месте уже сидел какой-то человек. Он вежливо поднялся, слишком прямой, неуклюжий, с прической, приглаженной волосок к волоску, с неподвижным лицом; весь какой-то неживой, молчаливый.

– Знакомься, – сказал Рубен Алисе. – Наш спаситель Владлен, робот нового поколения, прислан из Византийска. Он будет работать с Нельсоном по твоему списку.

Византийск был вторым по величине городом Содружества после Бонлиона. Их всего было три на планете. Третьим был маленький Мадлон, где жила бабушка Алисы, первооткрывательница планеты Тереза Буги.

Робот был неотличим от человека. Андроид.

– Я решил, что нам самим незачем лезть на рожон. Разрешение от Трибунала получено, письменные разъяснения о неизбежной потере Владлена отправлены в Византийск. Они

продолжают сомневаться, – Иштоян грустно усмехнулся. – Считают потерю возможной, но не обязательной. Видеокамеры везде установлены. Три мобильных дрона с камерами будут снимать Владлена днем и ночью. Они и сейчас кружат здесь вокруг нас.

Алиса невольно огляделась.

– Их не видно, они микроскопические, – усмехнулся Иштоян. – Садись, незачем тянуть. Начнем инструктаж. Может сегодня все и разрешится.

Два часа они натаскивали андроида, в лицах изображая то Нельсона, то его самого. Научили Владлена мастерски ронять поднос с едой, наступать ногой на рассыпавшиеся коробочки, «съесть» самые вкусные, хрустящие кусочки в панировке, подавать пустые коробочки как полные, и все такое прочее. Чтобы усилить зависимость Нельсона от Владлена, «испортили» телепорт, который ему установили буквально вчера (все это время он, ни о чем не подозревая, жил в охраняемой части Трибунала, по сути, в обустроенной тюремной камере). При заказе еды телепорт исправно звенел, крышка откидывалась, и так продолжалось до бесконечности без всякой еды. Уже одно это могло вывести из себя кого угодно.

Когда инструктаж закончился, помещение напоминало свинарник. Везде валялись раздавленные коробочки с остатками пищи, пол был залит липкой газировкой, стол заставлен подносами. Они нажали красную кнопку в углублении стола и стали свидетелями того, как в соседней комнате с

проницаемой общей стенкой бедного Нельсона познакомили с Владленом. Нельсон держался молодцом. Высокий мужчина с военной выправкой представил Владлена вестовым офицерской столовой. У Алисы и Нельсона сделались удивленными глаза, но никто не потрудился разъяснить им эту непонятную должность. Владлен тотчас продемонстрировал свою сноровку тем, что уронил со стола увесистую небьющуюся вазу на ногу Нельсону и смущенно извинился. Потеха началась.

Они установили на стол двухсторонний экран и в течение нескольких минут молча смотрели видеотрансляцию, каждый со своей стороны стола, потом за экраном слышались тихие сдерживаемые шмыганья. Рубен выглянул: Алиса поспешно стирала рукой с лица следы слез. Носик у нее покраснел, мокрые ресницы слиплись. В его комментариях она не нуждалась.

– Мы вынуждены так поступить, – все-таки сказал он. Алиса не ответила. Глаза ответили.

– Думаешь, этим все закончится? – зло сказал Иштоян. – Все только начинается. Они не понимают одной простой вещи: если все подтвердится, им придется решать, что с ним делать дальше. Тут они себе зубы и сломают! У них рука не поднимется на ребенка, а ведь мы не знаем, на что он еще способен. И дай бог, никогда не узнаем. Кто он вообще такой? Может ему ничего не стоит стереть в порошок всех людей на нашей планете, да вдобавок еще и на Земле?

Она отвернулась. Рубен увидел ее маленькое ухо и на миг оторопел, настолько оно показалось ему трогательным и очаровательным. Но он пересилил себя и продолжил:

– Вот ты знаешь, как его нейтрализовать?

– Он ребенок, его не нужно нейтрализовывать!

– А если он на что-то разозлится? Нам так и ходить по краю всю жизнь?

– Ты о нем раньше не знал и жил спокойно. Вот и продолжай жить. Ему уже одиннадцать лет и никакой угрозы до сих пор не было.

– Аппетит приходит во время еды, – возразил Иштоян. – А он, если помнишь, покушать не дурак.

Они отвернулись друг от друга. Никто больше не смотрел на экран. Трансляция и так записывалась.

– Позиция страуса в этом вопросе неприемлема, – снова упрямо сказал Иштоян. – И не имеет значения, что мы оба об этом думаем. То, что начато, будет закончено, чем скорее, тем лучше.

– Ты ведь наверняка хочешь, чтобы робот пропал, – воскликнула Алиса. – Чтобы доказать, что ты прав, разве нет?

– Очень мило, – холодно сказал Иштоян. – Всегда приятно услышать, что о тебе думают на самом деле. Да, я хочу, чтобы робот Владлен исчез. Я считаю это важным. Об этом еще никто не знает – я вмонтировал в него пеленгатор, который будет работать, даже если робот испарится. Это позволит вычислить направление, куда исчезли люди с астероида и спасти их, если они живы, как бы далеко они ни были. Кроме того, робот оборудован передатчиком дальней космической связи. Любая попытка хороша. Я не могу смириться с тем, что мы не узнаем их судьбу. Может кто-то уже списал их, как интернациональная комиссия, но я – нет.

Его слова гремели друг об друга как булыжники, куда только делся мягкий голос? Алиса побледнела. Она уже не могла сказать в ответ «я не буду в этом участвовать», хотя минуту назад эта фраза вертелась у нее на языке. Ее отчитали как девчонку.

– Я подала прошение о переводе. Сегодня утром.

Ей пришлось снова отвернуться и стирать слезы с лица руками. Зачем с ней так? Она всего лишь девочка. Маленькая глупая.

– Я знаю. Извини, они не могли не сказать мне как руководителю. Снова будешь летать?

Алиса кивнула. В глаза она не смотрела. Утром она готова была пуститься в пляс от радости. Ее муки закончились. Сейчас все немного изменилось.

– Может останешься? – грустно спросил Иштоян и его вечная печаль в глазах удвоилась.

Но она не осталась.

И все же им удалось обхитрить малыша Нельсона. Ночью, под неусыпным надзором видеокамер робот Владлен исчез. Что примечательно, даже после нескольких возмутительных промахов при обслуживании, из-за чего он остался практически голодным, Нельсон не пожаловался и не попросил заменить обслуживающего, хотя мог. Просто замкнулся. В нем уже закрепился свой метод решения проблем.

Этой ночью Нельсону снилась Камария. Наглотавшись таблеток, чтобы расхрабриться, она кричала ему в лицо: «Смотри, что ты наделал со своим амулетом! Я всем расскажу, что это твоя работа». Это было неумно с ее стороны, лучше ей было помолчать. Они ждали транспорт на следующее утро. К тому же никакого амулета у него не было.

Амулет придумал дедушка. Он свято верил в его существование. Впрочем, дедушка был прирожденным артистом и во что он верил или не верил, никто не знал. Он из многого в своей жизни сделал тайну. Потомственным колдунам положено быть загадочными и выглядеть значительно, напускать на себя важность по поводу и без повода. Семья Мутонга жила по написанным дедушкой сценариям, из которых он умел мастерски извлекать выгоду, привлекая внимание телевизионщиков. Разоблачить его было невозможно, он был

выдающимся плутом и комедиографом. Джозеф Мутонга не имел и четверти его талантов.

Узнав, что для продолжения политической карьеры сын решил перебраться с семьей в Америку, он взял за руку внука и отвел его на берег озера. Чудесный был день, яркий, солнечный. Огромные белые пеликаны, выстроившись в воде полукругом и производя невообразимый шум хлопающими крыльями, сообща загоняли испуганную рыбу на мелководье. Гибкие шеи их были перетянуты ошейниками, чтобы они не могли проглатывать добычу. На желтых дюнах шелестели о чем-то тоненькие пальмы. Расположившиеся в скудной тени пальм мужчины в просторных рубахах и соломенных шляпах лениво переговаривались, ожидая, когда пеликаны до отказа набьют рыбой свои подклювные мешки и вылезут на берег, чтобы с ними поделиться. Вдали по синей глади озера скользила одинокая парусная лодка.

– Я хочу сделать тебе подарок, Нельсон, – сказал, останавливаясь, дедушка и выпуская руку внука из своей руки. Голос его был торжественен.

Шестилетний тогда еще Нельсон серьезно кивнул.

– Мой подарок поможет тебе в Америке. Он волшебный, но знать о нем никто не должен, ни мама, ни папа – никто. Обещаешь?

Нельсон снова кивнул.

– Это невидимый амулет. Ты поедешь в чудесную страну, где исполнятся все твои желания. Нужно только очень этого

хотеть и верить: будет так, как ты захочешь. Очень верить и очень хотеть. Понял меня?

Нельсон кивнул в третий раз. Он всегда был немногословен.

– Сложи руки лодочкой, – сказал дедушка. – И прими его. Я тоже сложу руки лодочкой.

Он сложил руки лодочкой и вложил их в ладошки Нельсона, протянутые ему навстречу.

– Прими волшебный амулет, который хранится в нашей семье с незапамятных времен. Никому не рассказывай о нем и когда ты захочешь чего-то очень сильно, так сильно, что прямо ложишься и помирай, он тебе поможет.

Он слегка раздвинул руки и осторожно вынул их из ладошек Нельсона, словно переложив в них нечто осязаемое. Отступил назад. В руках Нельсона ничего не осталось. Глаза мальчика сделались испуганными.

– Никто не сможет украсть его у тебя или отобрать; из-за его невидимости, – сказал дедушка торжественно. – Вот, даже ты его не чувствуешь. Его будто нет, но на самом деле он есть. Он всегда будет тебе помогать. Надень его на шею.

Нельсон повиновался. Разочарование на его лице боролось с глубокой верой в дедушку. За пять следующих лет воображаемый амулет висел на его шее, никак себя не проявляя, и поэтому Нельсон решил рассказать о нем отцу, а отец поделился потом с Камарией. Джозеф Мутонга воздержался от комментариев, ведь отец к тому времени уже скончался,

и ему не хотелось над ним смеяться.

Впервые чудо случилось на астероиде Аида, когда исчезло все белое население прииска. Может ли страстное желание творить чудеса, и кем именно был услышан в миг страшного отчаяния крик Нельсона о помощи, когда-нибудь узнается. Для него главным было то, что плотину желаний прорвало и с чудесами теперь проблем не было. Амулет заработал.

Робот Владлен исчез. Сколько потом ни прокручивали запись радаров специалисты Трибунала, сколько ни ломали головы расшифровщики над аудиозаписью сигналов из космоса, сколько ни просматривали видеозапись исчезновения робота эксперты, ничего не менялось. Удаляясь угасали сигналы, заглушаемые неземным скрежетом, постепенно перестал поступать пеленг, очистились экраны радаров, и только записанное видео исчезновения можно было использовать как доказательство вины Нельсона, для предъявления ему формального обвинения. Космос закрылся, план Иштояна провалился.

Алису очень быстро отправили в полет. Рабочих рук везде не хватало. После двух недель, проведенных в полутемной комнатухе Трибунала, маленький почтовый челнок, куда ее назначили вторым пилотом, показался ей сказочным местом. Он курсировал между космодромом Бонлиона и Главной орбитальной станцией, перевозя срочные необъемные грузы, поступающие с Земли через виртуальные ворота между двумя мирами, удаленными друг от друга на три сотни световых лет. Их можно было бы сравнить с гигантским телепортом, если бы принцип работы у них не был иным.

Жизнь постепенно входила в колею. Об Иштояне Алиса почти не вспоминала. Иногда сочетание звезд в панорамном обзоре, когда они выходили на орбиту и окунались в космическую черноту, напоминало его лицо. Иногда она вспоминала его в часы сиесты. Иногда вечером. В основном день был заполнен работой. Тоской.

У Алисы появилась подружка Инга. Она была голубоглазой несерьезной хохотушкой, стажировалась на диспетчера, всем интересовалась и обо всех все знала. Как из таких людей получают диспетчеры, Алиса понять не могла. Они познакомились в кафе. Обе пили латте с фруктовым сиропом и обменялись критическими замечаниями по поводу кара-

мельного сиропа, который не любили. Через неделю Инга принесла в кафе весть о том, что пропал один из экспертов Трибунала.

– Ну такой, симпатичный. Да ведь вы кажется знакомы!

Почему она не такой гений пилотажа как бабушка Тереза, подумала Алиса. Улететь бы сейчас, найти новую планету и жить там одной. Начать жизнь заново.

Она молча встала и пошла прочь, оставив Ингу сидеть с раскрытым ртом.

Перед входной дверью на коврике ее ждал большой ламинированный лист гербовой бумаги с печатями. Она подняла его, испытывая панику. Буквы прыгали перед глазами. «Я такой-то такой-то, гражданин Земли, житель Второй планеты, разрешаю...» Разрешаю?!

Она держала в руках официальное разрешение Рубена Иштояна Алисе Буги использовать его биологический материал, хранящийся на Земле в криобанке, для зачатия ребенка, если возникнет такая необходимость. Все нужные реквизиты и контакты были перечислены. Алису затрясло. Она швырнула ламинированный лист туда, где он до этого лежал и, громко хлопнув дверью, подперла ее спиной. Еще чего!

Затем она набрала по видеofону мужчину с военной выправкой, который сопровождал Нельсона, когда она возила его на разные экскурсии, стараясь втереться ему в доверие.

– Это правда? – спросила она, ничего не уточняя.

– Правда, – подтвердил он.

Она кивнула, отключилась и на следующий день улетела на работу, подобрав с пола разрешение Иштояна. Про Нельсона она не спросила. Жизнь, вильнув ненадолго в сторону, вернулась в накатанную колею.

Что делать с Нельсоном Трибунал решал с привлечением ответственных лиц из ЦУП, но единственное, до чего они додумались, была его срочная отправка домой. Они хотели поскорей сбавить его с планеты. Обвинение мальчику решили не предъявлять, материалы дела засекретить и сдать в архив. Даже о том, что в отношении него велось расследование, говорить запретили. Иштояну, который пытался протестовать, все дружно заткнули рот.

– Понимаешь, старик, – сказал ему наедине один влиятельный в ЦУПе человек, смущенно отводя глаза. – Решение это окончательное.

Дата отправки была уже согласована. Времени оставалось в обрез, но Иштоян не был бы Иштояном, если бы сразу бросился напролом. Он привык рассчитывать каждый свой шаг. У него еще был козырь на руках.

Сначала он сделал все, что хотел сделать насчет Алисы. С заверенным как положено разрешением заглянул в «их» кафе, единственное общественное место на космодроме, и попросил знакомого баристу об услуге. Так ровно в оговоренное время его разрешение попало на коврик Алисы. Затем он вернулся в свой кабинет и, тщательно взвешивая в уме предстоящий разговор, отобрал необходимые ему копии до-

кументов из досье Нельсона, которое переснял заранее. Два документа сфабриковал тут же наскоро. Если бы кто-нибудь наблюдал сейчас за ним, засомневался бы, человек ли он вообще, настолько были рассчитаны шаги.

– Вот что, дружок, – сказал он решительно, оказавшись один на один с Нельсоном в его комнате и кладя на стол папку с документами. – Я хочу поделиться с тобой некоторыми сведениями, так что отложи на время свою приставку и послушай. Тебе будет интересно.

Мальчик внимательно глянул исподлобья, нахмурился и поставил на «стоп» игровую приставку, с помощью которой заполнял паузы между приемами пищи и надоевшими экскурсиями. Рта он не раскрыл, интереса не выразил. Смутить его было невозможно, кроме того он уже был знаком с Иштоном и кое о чем догадывался.

– Все то время, пока ты был здесь, я по заданию правительства вел за тобой наблюдение. Моей работой было знать о тебе больше, чем ты сам о себе знаешь, а я привык стараться. Тот человек, который все время ронял подносы, был специально к тебе приставлен. Это был андроид, напичканный всякой аппаратурой.

Рубен замолчал. Ему казалось, что струйки пота вот-вот поползут по его вискам. Микроскопические дроны с камерами незаметно кружились по комнате, транслируя запись на радио-рекордер, установленный за дверью в коридоре. Но если он ждал какой-то особой реакции Нельсона, ее не по-

следовало. Только зрачки заметались и расширились.

– Алиса знала? – спросил он невнятно, как будто говорил чужими губами.

Рубен удивился, но ответил спокойно улыбнувшись.

– Нет, я использовал ее втемную.

Что-то расслабилось в лице Нельсона.

– Ночью, когда исчез андроид, его исчезновение записывалось на видео. Я сидел в наушниках и следил за ним по приборам. Видел, как он удаляется на радаре, слышал, как затихает радиосигнал, который посылал его передатчик сквозь нарастающие помехи.

Нельсон задумчиво смотрел мимо Рубена в дальний угол комнаты. У него слегка шевелились уши.

– А теперь ничего не пропусти, я ради этого пришел. Через некоторое время сигнал изменился. Механический голос сначала твердил: «Я Владлен, я Владлен», а потом вдруг спросил: «Вы меня слышите? Это Джозеф Мутонга».

Нельсон молча перевел взгляд на Рубена. Он без звука вбирал его глазами.

– Помехи были очень сильными, но я ясно расслышал вопрос. Он кому-то сказал: «Скорей все сюда, тут у нас передатчик». Женский голос сказал: «Это мама». Дальше я не расслышал, потому что усилились помехи.

– Какая мама? – высокомерно спросил Нельсон, выпрямляясь и презрительно кривя губы.

Это был тот вопрос, на который Рубен рассчитывал. Как

любой малолетка Нельсон был уверен, что в его жизни существуют страшные тайны, не известные больше никому. Такой тайной, о которой он сам недавно узнал, была белая женщина с семейной фотографии, хранящейся в старом органайзере; потом ее место заняла бывшая служанка. Органайзер Нельсон уничтожил, когда служанка (Камария) стала ему угрожать, и теперь считал, что надежно спрятал концы в воду. Эксперт должен был неминуемо ответить неправильно, и этим себя разоблачить. Нельсон не имел ни малейшего понятия о том, что ведется учет смертей, свадеб и рождений, что метрические книги хранятся веками, и что затребовать электронные данные с Земли совсем не трудно.

Трибунал получил полное досье на Нельсона, как только подозрение пало на него. Иштоян был единственным, кто его открыл, но почерпнутые сведения придержал «на черный день». Это был его козырь в рукаве, позволяющий сыграть в кошки-мышки и выиграть. О семье Нельсона он знал больше, чем Нельсон.

– У меня нет ответа на твой вопрос. Когда эфир очистился, они, пользуясь начинкой андроида, прислали мне фотографию. Если бы не эта фотография, я бы считал твоей матерью Камарию.

Он положил перед Нельсоном лист с черно-белой копией изображения, сильно искаженного эфирными шумами. Это была грубая подделка, но в большой лжи Рубена впервые мелькнул маленький лучик правды Нельсона. Женщина на

изображении была белой и знакомой.

Дьявольская хитрость заключалась в том, что хотя ее лицо было скопировано с семейной фотографии, которую Нельсон уже видел, женщина выглядела по-иному, потому что казалась старше возрастом. Иштоян «состарил» ее с помощью приложения. Это был самый убийственный аргумент подлинности фото. Иштоян знал, что гореть ему после этого в аду, но другого выхода не видел. Этот снимок был в досье единственным. И имя было оттуда же.

– Ее зовут Кари Йенсен, если я правильно расслышал. К сожалению, связь вскоре прервалась, но она утверждала, что приходится тебе матерью.

Виртуозная ложь. Он уже приготовился выложить еще одну фальшивку, однако Нельсон сидел неподвижно и выглядел так, будто его молния ударила. У него уже не было сомнений.

– Это еще не все, – безжалостно сказал Иштоян. – Завтра тебя отправят домой на Землю, и тогда из-за расстояния ты ничем не сможешь им помочь. А ведь их еще можно вернуть назад, нужно только оказаться там, куда ты отправил отца и остальных. У тебя есть на это всего одна ночь, других ночей не будет. Решай.

Он поднялся и собрал в папку все, кроме фотографии Кари Йенсен. Ее оставил Нельсону. Кари Йенсен погибла от клыков и когтей ручного леопарда, который жил в доме на правах большой кошки и внезапно взбесился. После этого

Джозеф Мутонга расстрелял всех домашних зверей из автомата: старую седую гориллу, которая нянчила его еще ребенком и была признанным членом их семьи, двух нильских крокодилов, слона, антилопу, львов, трех павлинов, собак, стадо коз и коров, перебил все аквариумы. В доме об этом вспоминать не любили. И не вспоминали. Табу.

На следующий день Нельсона искали: в верхах случился сдержанный переполох. Не досчитались и Иштояна. Нельсон решил взять его с собой, вдвоем веселей. Иштоян был готов к такому развитию событий.

Может они еще вернуться.

Через месяц Алису перевели на космолет больших размеров, чем почтовый челнок, – и снова вторым пилотом. Вундеркиндом, как бабушка в ее годы, она не была. Теперь они курсировали между Главной орбитальной станцией и астероидом Аида, доставляя новое оборудование на шахту. Прииск готовился к рестарту. Вскоре их космолету поручили принять с перевалочной базы первую партию добровольцев с Земли.

Самой перевалки, то есть Главной орбитальной станции Второй планеты в прямом смысле не существовало. В космосе, постреливая по приближающимся метеоритам, чтобы избежать с ними столкновения и, как следствие, неконтролируемого вращения, болтался хаб в виде бублика с восьмью выдвинутыми в пространство стыковками. Внутри бублика по кругу двигались механические платформы, соединяющие стыковки. Одна стыковка была выдвинута очень далеко и имела иную, чем остальные, конструкцию. Она предназначалась для Ядра. Орбитальная станция собиралась в нужный момент из компонентов как конструктор, когда к хабу присоединялись космолеты и Ядро.

Космолет Алисы причалил к хабу, когда остальные космолеты были уже на месте. Им оставалось только сидеть, сложа

руки, и ждать появления Ядра. Вокруг была чернота, какая бывает в морозную ясную ночь, когда воздух кажется хрустальным, небо бескрайним и чистым, а россыпи звезд сверкают как драгоценности. Сигнальные огни космолетов мигали оранжевым и синим цветом. Прожекторы хаба освещали места стыковок, погрузившиеся в чрева космолетов. Их металлические корпуса были сплошь испещрены точками от попадания под метеоритные дожди.

– Не знаешь, кого к нам на этот раз несет? – спросил первый пилот Алису, когда сидеть молча стало уже невмоготу. Он старался казаться джентльменом после того, как Алиса отвергла его ухаживания.

Она пожала плечами. Пилот щелкнул тумблером внешней связи.

– Вызывает «Тубус Алисы», – сказал он, косясь одним глазом на девушку. – Сэм, слышишь? Ответь «Алисе».

– «Заколдованный замок» на связи, – отозвался соседний космолет. – Что нужно, Петерс?

– Ты не знаешь, чью приняли заявку? Откуда добровольцы?

– К нам летят медные рудники Капана, – важно сказал Сэм. – Черт знает, где это. В географии я не силен, спроси Алису.

Петерс снова покосился на второго пилота. Алиса вздохнула.

– В Армении, – буркнула она.

Больше они не разговаривали. В ста километрах от хаба внезапно вынырнула из черноты и полыхнула круглым боком большая серебряная сфера. Появление из ниоткуда того, что называли Ядром, всегда завораживало. Им как из пушки выстреливала Земля, и оно буквально прорывало собой пространство. Идеальная геометрическая форма шара была выбрана не случайно, но что происходило со сферой в те восемьдесят часов полета, когда преодолевались невероятно большие расстояния между двумя мирами, никто в точности не знал. Технически все получилось как нельзя лучше, ученым оставалось лишь обосновать это теоретически; и они все еще продолжали теоретизировать.

Несколько десятилетий назад, еще до открытия Второй, после успешных пробных полетов, Ядро доставило в эту часть Вселенной двадцать космолетов. Пилотировали их вундеркинды. Вынырнув из темноты, верхняя часть гигантской сферы сложилась как откидная крыша у кабриолета, двадцать поршневых платформ подняли из глубины на палубу готовые к старту космолеты, пилоты попрощались друг с другом по радио и взлетели. Повезло только Терезе Буги. После десяти лет блужданий в одиночестве с обычной космической скоростью в назначенном квадрате она обнаружила пригодные для землян условия на какой-то планете, вращающейся вокруг жёлтого карлика спектрального класса G6V. Случай уникальный: планета оказалась с индексом землеподобия 0,995. Остальные пилоты погибли или, струсив, вер-

нулись на сферу. Так начиналось Освоение.

Замедлив скорость, Ядро примкнуло к хабу, вобрав в себя самую длинную стыковку. Через час томительного ожидания, на экранах всех космолетов стало видно, что в пустующем коридоре стыковки зашевелились люди в легкой «домашней» униформе. Затем появилась похожая на змею колонна людей, одетых в тяжелые неуклюжие скафандры, предназначенные для перелетов в рискованных условиях. Им подали платформы. Одна из таких платформ немного погодя остановилась вплотную к стыковке «Тубуса Алисы».

Через два дня Алиса в компании Инги потягивала за барной стойкой свое любимое латте. Дверь отворилась, в помещение кафе вошел странного вида человек. Как ей потом сказала Инга, похоже, он двадцать лет проспал в одиночестве, потом проснулся и, не умывшись, вышел на улицу, а мир вокруг изменился. Теперь его все удивляет, и он везде чувствует себя посторонним.

– Чашку кофе, пожалуйста, – неловко озираясь, сказал баристе странный человек и крепко вытер потное лицо большим клетчатым платком. – Черный, без сахара.

Он выпил кофе одним глотком и даже не поморщился. Инга сделала круглые глаза, и девушки незаметно отодвинулись.

– Еще одну, – сказал он, наваливаясь локтями на барную стойку, которая издала тихий жалобный писк. – И если можно доведите до кипения.

Роста он был среднего, но из-за квадратных плеч и бочкообразного мощного туловища казался низкорослым. Вещи, которые он внес с собой в кафе, уже сто лет никто не видел: старомодный портфель с латунными пряжками и большую картонную коробку, перевязанную бечевками. Он поставил их под ноги. Отпил, с наслаждением вытянув губы гузкой.

В чашке был крутой кипяток. Даже у баристы не выдержали нервы.

– Я разыскиваю Второй Жилой блок. Вы не знаете?

Так назывался район проживания Алисы, где обитали космолетчики. Инга толкнула Алису локтем, та в ответ дернула ее за рукав и они вышли.

А спустя некоторое время в дверь Алисы негромко постукали. Первое, что она увидела в приоткрытую щелочку, был клетчатый платок и картонная коробка с бечевками, затем густые черные брови, приподнятые в недоумении.

– В кафе, – с упреком сказал этот человек, – вы сидели в двух шагах от меня!

Алиса промолчала.

– Я могу войти?

Алиса отступила. Незнакомец вошел и поставил коробку на пол. Портфель он продолжал держать под мышкой.

– Это вам гостинец, – указал он на коробку. – От Ишто-яна. Меня вызвали сегодня в Трибунал, потому что я привез ему это. Приняли за родственника, специально прислали на прииск космолет, рассказали, как все произошло. Можно мне сесть?

Она кивнула. Он прикинул взглядом надежность табурета и осторожно уселся на него. Табурет выдержал.

– А я знаю только тетю Розу. Рубена я сегодня впервые увидел на фотографии. Мне отдали кое-что из его вещей, чтобы передать матери, – Он отвернулся. – Простите, я все

еще не отошел.

– А вы ему кто? – спросила Алиса.

– Седьмая вода на киселе.

Что это значит, она не стала уточнять. Иштояна она тоже не всегда понимала, из-за чего тот казался ей страшно умным.

– Вы ведь работали вместе, – заговорил человек, волнуясь и вставая. – Мне сказали об этом в Трибунале, дали ваш адрес, чтобы я мог передать посылку. Они считают его преступником. Скажите, вы тоже так считаете?

Этот вопрос иногда снился ей ночами. Ответ она не знала.

– Я понимаю, из-за чего это. Святой Петр сказал: «Ни одно доброе дело не стоит слез ребенка», а еще Достоевский сказал то же самое. Но ведь этого Нельсона нельзя назвать невиновным, как вы считаете?

Этот вопрос тоже снился Алисе. А ответ ни разу не снился.

Все, что Алиса после его ухода разложила на столе, вскрыв картонную коробку, пахло так сильно, что озадачило ее. Ей не к кому было обратиться, чтобы узнать, как называются эти оранжевые солнечные шарики неправильной формы, с красными бочками и нежной бархатистой кожицей. Или эти маленькие бежевые и желтые кирпичики, завернутые в полимерную пленку и пахнущие настолько дурно, что вызывали тошноту. На некоторых из них явно были видны следы зеленой плесени. С других брикетов на стол капала остро пахнущая мутная жидкость, которая привела Алису в ужас. Как это можно было есть?!

Остальные продукты также не вызвали желания их попробовать. Она даже не знала, как к ним подступиться. Еда Второй планеты не пахла. Она была стерильна, искусственна и постепенно отходила от строгой имитации земной пищи, превращаясь в съедобные шарики; но была привычна, а привычки менять никто не любит. Так ни на что и не решившись, девушка отобрала из всей кучи большую банку кофе, единственный продукт, в котором она разобралась, и отнесла в кафе баристе. Остальные продукты вернулись в коробку. Заклеив скотчем, Алиса убрала ее подальше, чтобы не путалась под ногами.

Вскоре ее мучения сделались невыносимыми. Тошнотворный запах преследовал ее повсюду, она не могла ни есть, ни спать в этой квартире. Как только открывалась входная дверь, навстречу ей устремлялся запах и сшибал ее с ног. Промучившись две ночи без сна, Алиса после работы отнесла коробку на улицу. Запах остался. Утром вернулась и коробка, ее любезно принес сосед по дому. Уходя на работу, Алиса оставила окна открытыми, что почему-то не рекомендовалось делать ни при каких условиях.

Вечером она привела с собой подружку, чтобы пожаловаться ей на сложившиеся обстоятельства. Ей не хотелось выбрасывать гостинец с Земли в дезинтегратор, но и мириться с существующим положением было уже невозможно. Дверь распахнулась, Инга вошла. Она впервые была в гостях у Алисы и к себе ее тоже не звала. Это было не принято. Они встречались в кафе.

Алиса внимательно следила за выражением ее лица. Инга ни о чем не была предупреждена. Она вошла, остановилась и вдруг глубоко втянула носом воздух, приподняв лицо вверх. Глаза расширились.

– Чем это у тебя так чудесно пахнет?! – восторженно закричала она.

Секунду Алиса испытующе смотрела на подругу и вдруг крупные слезы брызнули из ее глаз. Держась рукой за дверь, она рыдала как маленькая и не могла остановиться.

И вот что странно – потом ей полегчало.

Она наконец «отпустила» Иштояна.

Конец

11. 06. – 19.10.2020 года